

ТИРЫ

СУББОТНЕЕ ОКНО

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ:

«Сатирик должен видеть объемно»

— Позвольте представиться: Михаил Жванецкий. Родился в Одессе. Окончил институт инженеров морфлота, или, как его называют, водный. Так что с тех пор плыву по жизни вполне квалифицированно. Первый раз окунулся в сатиру и юмор еще в институтской самодельности, где, кстати, выступал в одном экипаже с теперешними артистами эстрады, бывшими студентами того же «водного». Ильченко и Карцевым. А потом ветер странствий, при ближайшем рассмотрении оказавшийся попутным, вынес меня на берега Невы, где я и сотрудничал с Аркадием Райкиным в Ленинградском театре миниатюр.

— Значит, как артист разгоровного жанра вы...

— «Я «произшел» от театра Райкина. Был счастлив, когда он исполнял мои миниатюры. Которых, кстати, становилось все больше. В этом театре я получил самое главное — внутреннюю независимость, веру в себя, в то, что твое дело — дело сатирика — необходимо, как необходима работа, скажем, милиции или «скорой помощи». Умение найти самую болезненную точку в том или ином явлении, умение правильно «поставить диагноз» — для этого и существуют сатира и сатирики.

— Но представьте такую вещь: все недостатки, о которых вы пишете, в один прекрасный день дружно и бесследно исчезнут. Вы — автор двух книг, член Союза писателей, что вы будете делать?

— Брошу писать. Окончательно и бесповоротно. Точно так же и с выступлениями на эстраде. Жанр эстрадного фельетона, которым я занимаюсь, называют «искусством коротких ударов». Пока у этих ударов есть цель — я нужен.

— А всегда ли удар попадает в цель? Чем определяется мера вашей ответственности перед зрителями, перед теми, кого вы обвиняете?

— Если удар не попадает в цель, осмеивают уже не объект сатиры, а самого сатирика.

— Но пока вам отвечают благодарным признанием. Серия ваших эстрадных концертов «Пером и словом» имела большой успех.

— Это тем более удивительно, что любой сатирик знает, как трудно добиться любви тех, кого критикуешь!

— А не испытываете вы иногда слегка злорадного чувства: мол, ага, смеетесь, попались, голубчики, — над собой смеетесь!

— Никогда. Во-первых, я убежден, что злостью, злорадствуя, исправить нравы нельзя. Только — сочувствием. Во-вторых, если зрители смеются, я просто-напросто радуюсь. Ведь чем воспримчивее общество к юмору, чем лучше понимает сатиру — тем оно здоровее!

— Сатира и юмор. Каковы их взаимоотношения? Что нужнее, что перспективнее?

— Трудно сказать. И то, и то, как правило, основывается на каких-то конкретных недостатках. Но юмор покрывает сатиру, как пыль покрывает неблагоприятную почву. Пыль смахивают многие, «облагородить» саму почву сложнее. Но и важнее, почетнее, навстрочнее.

— Но чтобы докопаться до этой почвы, писателю-сатирику, наверное, нужно иметь какой-то особый «угол зрения»? И особый дар?

— Дар — просто повышенная чувствительность, умение ощущать чужую боль всеми рецепторами. Что же касается «угла зрения», то его, по-моему, вообще не должно быть. Сатирик должен видеть объемно, со всех «углов» одновременно. И находить не видимые другим затемненные стороны.

— Кстати, как вы находите эти стороны, где встречаете своих будущих персонажей?

— Может, это покажется странным, но все мой персонажи — это я сам. Я живу в лицах. Часто спрашивают: «Следуете ли вы сами советам и выводам, вытекающим из ваших монологов?» Нет. Не следую. Потому, что прежде чем написать, я сам бываю в положении своих героев, совершаю их ошибки. И советы мои — не советы постороннего. А, скорее, советы бывалого человека...

Н. ГРАЧЕВА.